

О так называемой «Грамоте славянам» Александра Македонского:
Вопросы источниковедения

Мыльников А. С.

Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник.

– Харків: Майдан, 1998. – С. 45-59.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт Східного інституту українознавства імені Ковальських.

Адреса редакції:

Східний інститут українознавства імені Ковальських («Схід/Захід»), ауд. 4–87,
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
пл. Свободи, 6,
Харків, 61077,
Україна.

E-mail: siu.kharkiv@gmail.com

Тел.: +38 057 705 26 30;
+38 096 1555 136

Веб-сайт: <http://keui.univer.kharkov.ua>

© Східний інститут українознавства імені Ковальських

© Автор статті

© Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

© Ідея та створення електронного архіву часопису – А. М. Домановський

А.С.Мыльников

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ “ГРАМОТЕ СЛАВЯНАМ” АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Сообщая в своей “Чешской хронике” под 1348 г. об основании Карлом IV в Праге годом ранее Эмауского монастыря славянского обряда, чешский историк Вацлав Гайк (ум. 1553) приводил по-чешски текст привилегии, якобы дарованной Александром Македонским славянам за их храбрость и верную службу, на право владения занимаемой ими территории “от полуночи до полуденных земель Итальянских”.¹ Это стало первым печатным воспроизведением своеобразного “документа”, породившего в XVI—XVII вв. его первых критиков, а позднее, с XVIII в. и исследовательскую традицию.²

Не имея возможностей в рамках небольшой статьи останавливаться на историографии темы, отметим лишь, что наиболее полная сводка источников и их текстологический анализ к настоящему времени принадлежит немецкому ученому Фридриху Пфистеру¹. Основываясь на находившихся в его распоряжении материалах и вводя некоторые новые списки Грамоты, немецкий исследователь выстроил стемму текста, приняв за исходный пункт гипотетический пражский список, с которым, по его допуску, между 1505—1510 годами мог познакомиться Зикмунд Герберштайн (1486—1566). К этому списку, по мнению Пфистера, восходил опубликованный им первый Венский список (список “А”), датированный 1516 г. и написанный по-латыни, от которого в свою очередь зависели чешский перевод Гайки (1541), а также известия и публикации С.Оржеховского (1554), С.Сарницкого (1587), Б.Палпроцкого (1595), позднее воспроизведенного по публикации последнего Б.Бальбиным (1679). По предположению Пфистера, существовал еще список “Z”, с которым он связал тексты Д.Циллениуса (1559) и Венского латинского списка XVII в. (список “D”), между которыми располагался текст “X”, содержание которого известно по Дрезденскому списку конца XVI — начала XVII вв. (список “B”) и второму Венскому латинскому списку начала XVII в. (список

“С”). Считая наиболее ранними из известных ему списки “А”, “В” и “С” (последний через какую-то “книжечку” из Сплита, переписанную в 1619 г.), Пфистер свел содержащиеся в них варианты Грамоты в так называемый “текст № 1”; соответственно список “D” он определил как “текст № 2”.

Высоко оценивая вклад немецкого исследователя в источниковедение Грамоты, приходится отметить и наличие в его наблюдениях ряда пропусков и ошибок, вызванных тем, что, по собственному признанию Пфистера, он порой был вынужден пользоваться информацией, полученной из вторых рук. Основной недостаток заключался в том, что важные сведения, содержащиеся в работах, опубликованных к началу XX в. в России и Чехии, остались Пфистеру неизвестными. Так, он отрицал существование более ранних списков Грамоты в чешском летописании, хотя ко времени написания его работ такие списки были не только выявлены, но и опубликованы. Еще в 1820 г. был опубликован в Берлине список “D”, что также прошло мимо внимания Пфистера.

Наряду с подобными пробелами, у него встречаются и досадные фактические ошибки. Он полагал, например, что следующее после Гайка сообщение о грамоте встречается у Оржеховского. Между тем, его исторический трактат, написанный в 1548—1552 гг., увидел свет лишь в 1611 г., а текст Грамоты давался только в кратком пересказе. На самом деле вторая, после Гайка, публикация Грамоты (в польском переводе) появилась в первом издании “Хроники всего света” М.Бельского (1551). В результате Пфистер пришел к выводу, что ранее 1516 г. какие-либо упоминания о Грамоте в славянской письменности отсутствуют, что не соответствует действительности. Это и побудило автора предлагаемой статьи обратиться к рассмотрению реальной эволюции текста Грамоты, основываясь на выявленных к настоящему времени источниках.

Как это ни покажется странным, но существование в рамках чешского летописания латинского текста Грамоты на сто лет ранее публикации ее чешского перевода Гайком документально засвидетельствовано еще в 1830 г. Ф.Палацким⁴. Введение этого источника в научный оборот принадлежит моравскому историку Б.Дудику⁵. Опираясь на имевшуюся информацию, варшавский историк чешского происхождения И.Первольф включил эти сведения в контекст изучения Грамоты⁶, полный же текст указанного источника был в 1905 г. опубликован А.Полаком.⁷ Последующие исследования выявили некоторые дополнительные данные, о которых ниже.

Итак, на уровне современных знаний, у старта Грамоты находится латинский список, входящий в сборник XV в., некогда принадлежавший Я.П.Церрони (1753—1826), а ныне хранящийся в Брненском архиве.

Поэтому далее мы будем именовать этот список Брненским.

Упомянутый сборник состоит из двух взаимосвязанных частей. Первая из них содержит “Краткое собрание из чешских хроник для предостережения верных чехов” с примыкающей к нему “Грамотой Александра Великого славянскому языку и чешскому на будущие времена”.⁸ Вторая часть включает фрагмент из 83 главы “О короле Вацлаве и императоре Фридрихе” чешской рифмованной хроники начала XIV в. так называемого Далимила (л.26) и самое хронику (л.27—162). Обратим внимание на то, что все тексты сборника писаны по-чешски; лишь Грамота является исключением — она написана по-латыни.

“Краткое собрание” датировано 10 января 1443 г. — это время переписки сборника, в том числе, естественно, и Грамоты. Что касается времени возникновения самого “Краткого собрания”, то из всех существующих предположений наиболее вероятным представляется рубеж 1437—1438 гг.⁹ Во всяком случае важно другое — при всех обстоятельствах Грамота к 1443 г. уже существовала.

В 1939 г. известный чешский медиевист Ф.М.Бартош сообщил о существовании еще одного латинского списка Грамоты в составе так называемого Микуловского сборника XV в.¹⁰ По утверждению Бартоша, текст Грамоты записан “поздней рукой” на последней странице сборника, тогда как согласно описанию В.Докоупила за листом 240 оборот, на котором Грамота расположена, следует латинская проповедь (лл.241—242 об.).¹¹ Это ставит под сомнение мысль Бартоша, что список Грамоты изготовлен позже времени создания самого сборника. Но, даже допуская обратное, нужно признать, что в целом Микуловский список имеет большое сходство не только с Брненским списком, но и с латинскими же списками “А”, “В” и “С” по Пфистеру. При этом из всех трех к датированному Брненскому списку наиболее близок первый Венский список (“А”).

В совокупности все названные списки имеют значительное сходство с чешским переводом Грамоты у Гайка. Различия существовали, но имели частный характер. Например, мифологизированный Нектанеб¹² — “промежуточный” между Юпитером и Филиппом “отец” Александра — в Брненском списке и у Гайка читается как “Нектанаб”; в Микуловском и Венском — как “Нектанбок”; свидетелем дарования Грамоты в Брненском списке назван “знаменитый Анаклетус, наш локотер”, в Микуловском — “Атлет”, в Венском — “Антилотус, наш знаменитый локотека”, у Гайка — “наш государственный рыцарь Локотека”.

Таким образом, Грамота была известна и переписывалась задолго до того, как попала в руки Гайка, возможно через видного чешского мецената и биб-

лиофила Яна Ходейовского из Ходейова (1496—1566). Он не только оказался цензором рукописи “Чешской хроники”, поступившей на рассмотрение в 1539 г., но и соредактором, а возможно и соавтором ряда разделов книги.¹³

Далее издательская история Грамоты развивалась следующим образом. Следующий после Гайка и первой за пределами Чехии стала ее публикация Бельским, как указывалось — в переводе на польский язык; в пересказе гайковского текста Грамота помещена в “Хронике” Оржеховского; ее первое воспроизведение на латинском языке принадлежало Циллениусу под названием “Диплом Александра Македонского, данный иллирам, в переводе с греческого на латынь”.¹⁴ По сравнению с ранее известными текстами здесь имелись существенные отличия. Прежде всего, касающиеся адресации: не всем славянам и не на всю Европейскую Сарматию (если пользоваться терминологией того времени), а только “знаменитому поколению Иллирийского народа, Далматам, Либурнам и всем другим того же языка”, проживающим на Дунае и в смежных землях. Есть и иные разночтения. Так, Нектанеб читается как Арфемат, а Александр назван не собеседником “брахманов и деревьев”, а “брахманов и арабов” (явно искаженное латинское “arbor” — “дерево”). Важно отметить впервые встречающееся указание на то, что оригинал был написан по-гречески: до того предполагалось, что таковым был латинский язык.

Перепечатав текст Циллениуса, текст Гайка Сарницкий лишь пересказал, но с “уточнением” границ, в пределах которых славянам земли были дарованы: “между двумя большими реками, бесспорно Борисфеном и Истром” (Истр, т.е. Дунай упоминался у Циллениуса, откуда и был Сарницким заимствован).¹⁵ В целом, редакция Циллениуса стояла особняком, отличаясь от Бренского списка и “текста № 1” (по Пфистеру).

Первое печатное воспроизведение близкого к ним латинского текста принадлежало Папроцкому¹⁶. Правда, у него Грамота обращена не только к славянам, но и к массагетам, а время осуществления “дара” отнесено не к двенадцатому, как в других текстах, а к одиннадцатому году правления Александра Македонского. Последнее, по-видимому, явилось результатом смешивания этого срока с числом свидетелей “дара”, о чем у Папроцкого умалчивается (обычно называлось 11 персон).

На исходе XVI в. к ранее упомянутым опубликованным переводам Грамоты на национальные языки (Гайк, 1541; Бельский, 1551 с перепечаткой в 1554 и 1564 гг.) добавились новые. В 1596 г. в составе “Чешской хроники” Гайка Грамота была переведена на немецкий язык хомутовским писарем Яном Санделем¹⁷; год спустя в посмертно изданной “Польской хронике” Бельского его польский перевод был опубликован в несколько измененной редак-

ции¹⁸; в 1601 г. югославянский историк Мавро Орбини включил итальянский перевод Грамоты в свой труд “Царство славян”.¹⁹ Из новшеств, встречающихся в подобных переводах, отметим два, наиболее бросающихся в глаза. Во-первых, обращение Александра Македонского не к “роду славянскому” (Бельский, 1551), а к “роду хенетскому (или славянскому)” (Бельский, 1597), и, во-вторых, сообщение (у Орбини), что славяне верно служили Македонскому царю в качестве не только воинов, но и полководцев. В последнем случае возможно влияние Оржеховского, называвшего среди полководцев Александра Чеха, Леха и Роксолана (Руса).²⁰

Наряду с опубликованием переводов Грамоты на национальные языки в XVII в. перепечатывался и ее латинский текст. Но, если Бальбин ограничивался воспроизведением текста Папроцкого с незначительными редакционными изменениями²¹, то турчанский жупан и историк Петер Реван (1568—1622) опубликовал латинскую версию Грамоты, близкую к “тексту № 1”.²² Это была одна из первых, если не первая публикация Грамоты словацким автором.²³

Проследивая распространение Грамоты на латинском языке и в переводах, можно отметить наличие определенной сопряженности между их рукописным и типографским способами воспроизведения. Собственно, об этом свидетельствуют предложенная Пфистером *Stemma codicum* и опубликованные им же списки “В”, “С”, и “D” XVI—XVII вв. Любопытно, впрочем, иное: хотя Пфистер и утверждал о близости этих списков между собой, он все же был вынужден выделить список “D” в отдельный “текст № 2”. И для этого, заметим, у него имелись основания.

Ввиду принципиальной значимости для последующего анализа приведем полный текст списка “D” по публикации Пфистера:

1. *Privilegium genti Slavorum sive Moscis ab Alexandro Magno concessum, ex annalibus eorundem Moscorum manuscriptum.*

2. *Alexander, Rex Regum, supra Reges Imperator, Dei altissimi Minister, totius orbis Dominator, omnium sub sole potentissimus ad nutum dominus, inobedientibus repentinus gladius ac timor, mundi totius supra honorificos honorificentissimus.*

3. *Longe gentium disiunctis, ignotis Maiestati nostrae, honor, pax et gratia Vobis ac Vestrae belligerae nationi Slavonicae, glorioso stemmati Ruthico, principibus ac gubernatoribus a mari Waregho ad Caspium, praesignibus ac dilectis nostris Hrabano Velicosano, Prudenti Hassano, Fortunato Hauassano aeternam salutem.*

4. *Siquidem Vos in conspectu non complector, ut generosa animi alacritate*

tanquam amicos secundum cor meum excipiam, hanc gratiam denuntio Dominio Vestro: ut quaecunque generatio a mari Waregho ad Caspium cohabitabit terras Principatus Vestri, sit Vobis ac posteritati Vestrae perpetua servitute subiecta nec extra confinia ex illis pes vester extrahatur.

5. Hoc laudibile opus notificamus Vobis Epistola Regia nostra, alta sustentata iustitia, manu subscripta ac genealogiaco Domini nostri sigillo, zona aurea ligato, munita. Data honori Vestro perpetuo, in loco a Nobis aedificato Magna Alexandria, voluntati Magnorum deorum Martis ac Jovis ac deorum Veneris ac Palladis. Mensis Primosti (?) prima die.

(Subscriptio aureis litteris sic dicitur fuisse:)

6. Nos Alexander, Rex Regum ac supra Reges, caelestium Magnorum Deorum Jovis ac Veneris filius; terrenus vero Philippi, Potentissimi Regis, et Olympiae Reginae; nostra alta sustentata iustitia haec in sempiternum confirmavimus.²⁴

В русском переводе Грамота по списку “D” звучит так:

“Привилегия роду Славян или Москов, данная Александром Македонским, извлеченная из рукописных анналов этих самых Москов.

Александр, король королей, над всеми королями господин, служитель высочайших богов, господин всего круга земного, всемогущий повелитель всего, что под Солнцем, молниеносно карающий меч и ужас для непокорных, самый превосходный из всех превосходных во всем мире. Далеко удаленной среди других народов, нашему величеству неизвестной, вам и вашей воинственной славянской нации честь, мир и милость, славному русскому роду, князьям и государям от Варяжского до Каспийского моря, нашим превосходным и любимым храбано (hrabano) Великосану, мудрому Хассану, счастливому Хауассану слава навеки. Хотя я и не могу приветствовать вас лицом к лицу, принимаю вас по желанию сердца моего с великодушной радостью как друзей, и возвещаю вашему господству такую милость: любое племя, которое будет проживать в землях вашего господства между Варяжским и Каспийским морями, да будет подчинено в вечное услужение вам и вашим потомкам, и также ваша нога не должна ступать за пределы этих границ. Эту достохвальную милость объявляем вам посредством нашего королевского письма с нашей высочайшей и прочно закрепленной привилегией, собственноручно нами подписанной и скрепленной печатью нашего господства, которая привязана золотой лентой. Даем для вечной вашей чести в месте, нами построенном, великой Александрии, по воле великих богов Марса и Юпитера и богини Венеры и Паллады, в первый день месяца примостиса.

(В подписи золотыми буквами значится:) Мы, Александр, король королей и над всеми король, сын великих небесных богов Юпитера и Венеры, земной сын Филиппа, могущественнейшего короля, и королевы Олимпии; мы утвердили это на все времена с помощью нашей высочайшей и прочно закрепленной привилегии”.

Не трудно заметить, что, при сходстве основного сюжета, текст Грамоты по списку “D” во многом отличен от тех, о которых речь шла до сих пор. Прежде всего, это указание на то, что Грамота выписана из “рукописных анналов этих самых Мосхов”; расширение границ славянских владений до Каспийского моря; несколько иной набор имен античных божеств; датировка “дара” месяцем “примостом”; наконец, обращение Александра Македонского к Великосану, Хасану и Хауассану. Некоторые новации поставили Пфистера в тупик: “Откуда происходят эти имена, — сокрушался он, — я сказать не могу”.²⁵ Что же до ссылки на московские летописи, то он усмотрел в этом простую мистификацию.²⁶ Вместе с тем, немецкий исследователь справедливо подчеркивал необходимость дальнейшего изучения “текста № 2”.²⁷

Следуя его совету, обратимся к материалам, о которых Пфистер не только не знал, о чем его комментарии свидетельствуют с очевидностью, но и не допускал возможностей их обнаружения. Между тем, такие материалы существуют — их лишь нужно друг с другом сопоставить и должным образом осмыслить. А для этого необходимо рассмотреть судьбы Грамоты в восточнославянской рукописной традиции.

Информация о Грамоте проникала сюда со второй половины XVI в. различными путями, главным образом посредством сочинений польских историков. В украинской хронографии, например, основным источником известий о грамоте явилась “Польская хроника” Бельского (это, по наблюдениям Н.А.Казаковой, не исключало использования второго (1554) и третьего (1564) изданий его же “Хроники всего света”²⁸). Так, по “Польской хронике” передан в переводе текст грамоты в украинской Густынской летописи.²⁹ “Привилегия” Александра Македонского передана так же в украинском Хронографе XVII в. по списку Леонтия Боболинского. Против текста Грамоты на полях указана фамилия Александра Гваньини — “Гвагини”.³⁰ Это означает, что был использован не его латинский трактат “Описание Европейской Сарматии”, а польский перевод Мартина Пашковского, увидевший свет в 1611 г., в который был включен текст Грамоты, заимствованный из “Польской хроники” Бельского.³¹

Хотя наиболее ранние переводы “Хроники всего света” Бельского появля-

ются в Москве уже в 50—60-е гг. XVI в., западнорусские книжники сыграли заметную роль в ознакомлении русской читающей аудитории с сочинениями этого и других польских историков.³² Считается, что “Хроника” Бельского была сперва переведена с польского на старобелорусский шляхтичем Великого княжества Литовского Амброжием Брежевским, а затем переписана по-русски в Москве в 1584 г. То ли практика двойного перевода, то ли ошибки последующих переписчиков привели к тому, что русские тексты Грамоты стали сбивчивыми, вольно передававшими вариант Бельского, а в некоторых случаях попросту воспроизводившими польский текст кириллицей.³³ Тем не менее, важно отметить, что переводы или переложения Грамоты стали все чаще включаться в русские летописцы XVII в. В таком контексте происходила местная адаптация легенды об Александровом “даре”, ознакомление с которой позволяет со всей определенностью установить не только время и место, но и личность автора, которому принадлежало составление латинского списка, обозначенного Пфистером как список “D” или “текст № 2”.

К XVII в., скорее всего к первым его десятилетиям, относится летописная статья “О истории еже о начале Руския земли и создания Новограда и откуда влечашася род Словенских князей”, в составе которой читается Грамота Александра Македонского.³⁴

Появление “дара” объяснялось следующим образом. В те времена “во словянех и русех князи беша” Великосан, Асан и Авесхасан (в различных списках “О истории” последнее имя передавалось еще и как Авесхан, Авелиасан и т.п.). Эти князья отличались храбростью и мудростью, наводя страх на соседние народы. Прослышав об этом, Александр “нача размышляти с подданными своими”, говоря: “Что сотворити подобает с сими сыродяцы, ратьми ли ополчитися многими и разбити и покорити их в вечную работу?” Но из-за “зельнейшаго дальнаго разстояния пути и неудобь проходных морских вод и превысоких гор” он все же решил не воевать со славянами и русичами, а сделать их своими союзниками, для чего и послал им “з дары многими и писание, многими похвалами украшено”. Далее текст этого “послания” приводим по списку Мазуринского летописца последней четверти XVII в.:

“Александр, царь царей и над цари бич божий, презвитяжный рыцарь, всего света обладатель, и всех, иже под солнцем, грозный повелитель, непокорным же яростный меч, всего света царь честнейший над честнейшими в дальном разстоятельном и незнаемом крае вашем. От нашего величества честь, мир и милость вам и по вас храброму народу словенскому, славнейшему колону, руским князем и владельцом от моря Варяжского даже до моря

Хвалынского, велебным и милым моим, храброму Великосану, мудрому Асану, счастному Авесхану, вечне поздравляю, яко самех вас лицем к лицу, целую, и сердечне приемлю, яко други по сердцу моему. И сию милость даю вашему величеству: аще каковый народ вселится в пределах вашего княжества от моря Варяжского даже до моря Хвалынского, да будет вам и роду вашему подлежими вечней работе. Во иные же пределы отнюдь да не вступит нога ваша. Сие достохвальное дело замнено нашим листом и подписано царскою высокодержавною правницею, и за природным нашим государским златоконанным гербом привешенным дано вашей чести в вечность в месте нашего дела, в велицей Александрии изволением великих богов Марша и Юпитера и богинь Венеры и Венусы месяца примоса начальнейшего дня. Припись царския руки верху строк златыми писмени написано: Мы, Александр, царь царям и над цари бич, сын великих богов Юпитера и Венуса в небе, земски же Филиппа сильнаго царя и Алемпияды царицы нашею высокодержавною рукою утверди их вечне. Сии же князи словенорустии, иже таковыя великия чести сподобившася от самодержца прияти, и сию пречестивейшую епистолию почиташа вельми, и обесиша ю в божнице своей по правую страну идоле Велеса, и честно поклоняхуюся ей, и праздник честен творяху в начальный день месяца примоса”.³⁵

С первых же строк “послания” в версии летописной статьи “О истории” (существующей в ряде списков) очевидна не просто смысловая, но и текстуальная близость с “тестом № 2” — латинским списком “D”. Возникает естественный вопрос: какой из двух текстов Грамоты являлся основой, а какой ее переводом?

Казалось бы, ответ на возникающий вопрос дал еще Юрий Крижанич в трактате “Политика”, написанном в тобольской ссылке в 1663—1666 годах. Отвергая многие летописные баснословия, он, в частности, замечал: “А еще говорят, будто бы Александр послал славянским князьям (Великосану, Асану и Авесхану) письменные привилегии или жалованные грамоты и даровал им навеки землю, коя лежит между Хвалынским и Варяжским морями”.³⁶ По его предположению генезис этой легенды таков: рассказ о том, что Александр “дал илирийцам письменные привилегии и подарил им всю страну, коя лежит меж Дунаем и Белым морем”, выдуман “одним из недавних чешских летописцев”, а русский книжник, “переписывая это, поставил вместо Дуная и Белого моря Хвалынское и Варяжское моря”.

Остается однако не ясным, какого чешского летописца, да еще “недавнего”, имел в виду Крижанич? Гайк для этого не подходит хотя бы потому, что приведенная у него география “дара” решительно отличается от той, кото-

рую назвал Крижанич. В данном случае скорее возможно влияние на него варианта Циллениуса, при пересказе которого Сарницкий ввел Дунай в структуру легенды. Что же касается второго ориентира — Белого моря, то едва ли был прав А.Л.Гольдберг, видевший в нем Адриатику.³⁷ Более вероятно видеть в этом Балтийское море. Для сравнения укажем, что Стрыйковский именно Балтийское море именовал “полуночным” т.е. северным.³⁸

Между тем, вопрос о происхождении латинского “текста № 2” однозначно решается в пользу его русской первоосновы. Он возник под пером придворного капеллана императора Леопольда I, уроженца Истрии Себастиана Главинича (1630—1698), который вместе с посольством барона Августина Майерберга в 1661—1662 гг. побывал в Москве. По возвращении в Вену он подготовил (вероятно, около 1665 г.) для Леопольда I “Донесение о Московии и московитах”, описав особенности истории, природы, быта и культуры Русского государства времени Алексея Михайловича. “Донесение” завершалось переводом с русского на латинский язык фрагмента летописной статьи “О истории” с тем текстом Грамоты, который в качестве списка “D” прокомментировал Пфистер, полагая, что публикует его впервые. На самом же деле, полный текст “Донесения” на латинском языке, включая, естественно, “послание” Александра Македонского, был в 1820 г. введен в научный оборот немецким историком Б. Вихманом³⁹, а спустя несколько десятилетий был напечатан в русском (фактически — обратном) переводе А.Н.Шемакина.⁴⁰

Текстологический анализ показывает, что Главинич, снабдивший свой перевод заглавием с указанием источника заимствования, в целом точно передал смысл русского оригинала. При этом к своей работе он подошел творчески. Во-первых, примененные в русском тексте канцеляризмы, походившие на использовавшиеся в московском официальном делопроизводстве, Главинич постарался передать по латыни адекватными штампами (ср.: “нашею высокодержавною рукою утверди их вечно” — “*nostra alta sustentata iustitia haec in sempiternum confirmavimus*”). Во вторых, купирование текста Грамоты. После только что приведенного словосочетания в ее русской версии сообщалось, что “князи словенорустии” в знак “таковыя великия чести” и почитания “послания”, поместили его в божницу Велеса, и по этому случаю каждый год в первый день месяца “Примоса” (“*Primossi*” в публикации Вихмана, либо “*Primosti*” в публикации Пфистера) устраивали языческие игрища. Оба публикатора поставили около названия этого месяца знак вопроса, причем Пфистер предположил, что это, возможно, искаженное наименование египетского месяца “*Phagmuthi*”, в четвертый день которого согласно преданию умер Александр Македонский.⁴¹ Учитывая русское (точнее — северорусское) происхождение памятника, такое предположение кажется

сомнительным. Судя по контексту, речь идет о первом месяце года, каковым в древности у славян, в Московском государстве еще долгое время считался март. Но в данном случае возникает иной вопрос: почему эта часть “приписи” из латинского перевода была исключена? Как добросовестный переводчик, Главинич сигнализировал об этом следовавшей после слова “confirmauimus” аббревиатурой “etc”. Ее воспроизвел Вихман, но на нее не обратил внимания и опустил Пфистер. О причинах такого купирования можно только догадываться. То ли связь “послания” Александра Македонского со славянскими языческими обычаями коробила правоверного католика Главинича; то ли он посчитал сообщение об этом прямо не относящимся к Грамоте и недостойным внимания Леопольда I. Возможно, существовали иные мотивы, но несомненно главное — Главинич видел полный текст русской летописной статьи и сознательно сократил его.

При переводе источника Главинич исправлял очевидные несообразности: слова “богинь Венеры и Венусы” он перевел как “богинь Венеры и Паллады”. Не обошлось и без курьеза. Относившееся к Великосану прилагательное “храбрый” он почему-то вместо возможных “animosus”, “audens”, “fortis” и т.п. передал как “hrabano” (“hrabago” у Вихмана). Это бессмысленное “hrabano”, потому и оставшееся не прокомментированным у Пфистера, а также его отказ объяснить происхождение имен трех “словенорусских” князей лишь подтверждают то, что ссылка Главинича на летопись “этих самых Москов” отнюдь не была мистификацией. Поэтому латинский список “текста № 2” с полным основанием впредь следует называть по имени его создателя: “Список Главинича”.

Особого рассмотрения заслуживал бы вопрос: для чего этот список был включен в “Донесение”? Трудно предположить, чтобы Главинич не знал о существовании легенды об Александровом “даре” хотя бы потому, что об этом писали западнославянские историки, в том числе в сочинениях, издававшихся на латыни, и, стало быть, доступных для читателей, славянскими языками не владевшими. Этой теме касались в XVII в. и многие немецкие авторы. В годы Тридцатилетней войны, когда Габсбурги не только военной силой, но и юридической аргументацией отстаивали свои права на земли чешской короны, противник чешских протестантских сословий, немецкий юрист и историк Мельхиор Гольдаст (1578—1635) в одном из полемических трактатов поместил “Привилегию Александра Великого, данную им славянам” в немецком переводе Санделя по Гайку. Правда, в порядке курьеза.⁴² Может показаться парадоксом, но именно потому, что о Грамоте было известно, и явилось, на наш взгляд, поводом к появлению “Списка Главинича”: русская версия значительно отличалась от той, кото-

рую он знал. Не исключено, что в ней виделось нечто большее, скажем, намек на теорию “Москва—Третий Рим”, отразившейся и в русской “Повести о двух посольствах” (1612—1614). По словам крупнейшего знатока этой проблемы, А.Л.Гольдберга, “Московское правительство использовало теорию “Москва—Третий Рим” для борьбы с попытками Ватикана распространить свое влияние на русские земли”.⁴³ В этом смысле обращение к оценке Грамоты независимо друг от друга, но по времени синхронно Главинича в Австрии и Крижанича в России не должно пройти мимо внимания будущего аналитика этой проблемы.

Но, если появление “Списка Главинича” в зарубежной историографии существенных последствий не имело, то в России сюжет летописной статьи “О истории” получил в конце XVII в. свое развитие. Это отразилось в трактате монаха Афанасьевского монастыря Тимофея Каменевича-Рвовского “Историческую древнее описание и сказание... о начале родов: Московского рода и Славенороссийского превеликого народа, и о переименовании их.” (1699). Интересующей нас теме был посвящен раздел “Толкование или рещи Сказание о нем же князе нашем Мосохе”. Здесь сообщалось, что “славеноросстия” предки стали силой утверждать власть во всем мире, вызвав тревогу у Александра Македонского, который и пожаловал им Грамоту. Пересказав ее содержание по версии “О истории”, Каменевич-Рвовский делал упор на первенство новгородцев среди прочих славян, “уточняя”, что послание Александра Македонского было повешено “на злато превитом шнуре” у божницы Велеса не где-нибудь, а “во престаром граде Ростове”.⁴⁴

Совокупный анализ содержащихся в Грамоте характеристик границ славянского расселения приводит к любопытному выводу — используемая топонимика связана с учеными представлениями конца XV—XVII вв., причем не в статике, а в эволюции, имея тенденцию к постоянному расширению. Длительное время, начиная с Бременского, Микуловского и первого Венского списков границы “дара” обозначались не вполне определенно: “от севера до пределов Италии на юге” (или, как у Бельского: “от полуножного моря великого Ледовитого океана до Итальянского скалистого южного моря”). В русской летописной статье “О истории” и в “Списке Главинича” появляется ссылка на Каспийское море. В этом смысле расширение географической номенклатуры текстов Грамоты можно рассматривать как следствие развития научной мысли (в понимании той эпохи), в свою очередь отразившей рост этнического самосознания у славянских народов. Этой связи, например, не скрывал Бельский. Поместив польский перевод Грамоты, он сразу же подчеркивал: “Также и поныне в тех землях повсюду находим славянский язык, начиная от Ледовитого океана, лежащего далеко от Москвы, до

моря Венецианского, которое называется Адриатическим, между которыми находятся эти народы нашего языка".⁴⁵

Не меньший интерес представляют другие семантические элементы Грамоты: номенклатура и последовательность расположения в разных ее текстах персонажей античного пантеона, другие маркировочные различия отдельных списков. Их сопоставительный анализ даст возможность ответить на вопросы о причинах, месте и времени возникновения Грамоты как своеобразного памятника научной и общественной мысли славянских народов на переломном этапе их развития от Средних веков к раннему Новому времени. Но это — тема специального рассмотрения, к которому автор намерен обратиться.

Литература

¹ Hagek W. Kronyka Česká. Praha, 1541. L.319.

² Ossolinski J.M. Vincent Kadlubek: Ein Historisch-kritischer Beytrag zur slavischen Literatur. Aus dem Polnischen von S.G.Linde. Warschau, 1822; Palacký F. Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber. Prag, 1830; Dudík B. J.P.Cerroni's Handschriften-Sammlung. Brünn, 1850; Первольф И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава, 1888. Т.2.; Niederle L. Slovanské starožitnosti. T.1. Puvod a počátky národa slovanského. Praha, 1902, 1906. Sv. 1,2; Polák A. Krátké sebranie z kronik českých k výstraže věrných Čechův // Věstník královské České společnosti nauk. Tř. filosoficko-historicko-jazykozpytná. Roč. 1904. Praha, 1905; Bratáň R. Barokový slavizmus: Porovnovacia štúdia z dejin slovanskej slovesnosti. Liptov. Sv. Mikuláš, 1939; Bartoš F.M. Miličův Angelus a husitská postila v Mikuovském sborníku // Jihočeský sborník historický, 1939; Bartoš F.M. Zápis Alexandra Velikého slovanům a jeho původce // Casopis národního musea. Odd. duchovnědný. Praha, 1946. № 1—2; Vidmanová A. Latinská historie o Alexandru Velikém v našich rukopisech // Listy filologické, 1963. Roč. 86; Šmahel F. Idea národa v husitských Čechách. České Budějovice, 1971; Rothe H. Über die Stellung Polens in der europäischen Kultur des XVI. Jh. // Fragen der polnischen Kultur im XVI. Jh. Hg. von R.Olesch, H.Rothe. Giessen, 1980. Bd. 1; Vidmanová A. K privilegii Alexandra Velikého slovanům // Husitství. Reformace. Renesance: Sb.k 60. narozeninám F. Šmahela. Praha, 1994 etc.

³ Pfister F. Das Privilegium Slavicum Alexanders des Großen // Zeitschrift für Slavistik, 1961. № 3.

⁴ Palacký F. Op. cit. S.302—303.

⁵ Dudík B. Op. cit. S.413.

⁶ Первольф И. Уж. соч. С.33—34.

⁷ Polák A. Op. cit. S.30.

⁸ Švabenský M. Cerroniho sbírka. Brno, 1973. Sv.1. S.291; Polák A. Op. cit. S.6, 11.

⁹ Polák A. S.11.

¹⁰ Bartoš F. M. Miličuv Angelus. S.63.

¹¹ Dokoupil V. Soupis rukopisů mikulovské Dietrichsteinské knihovny, uložených v Universitní knihovně v Brně. Brno, 1954. S.76—77.

¹² Кинжалов Р.В. Легенда о Нектанебе в повести “Жизнь и деяния Александра Македонского” // Древний мир: Сб. статей в честь В.В.Струве. М., 1962. С.538—539.

¹³ Šimák I. Prameny a pomůcky Hájkovy // Sborník prací historických k šedesátým narozeninám J. Golla. Vydali jeho žáci. Praha, 1906. S.196, 199—200, 210.

¹⁴ Cyllenius D. De vetere et recentiore scientia militari. Venetiis, 1559. P.66.

¹⁵ Samicius S. Descriptio veteris et novae Poloniae. Cracoviae, 1585. P.47.

¹⁶ Paprocki B. Ogród królewsky. Praha, 1599. L.147.

¹⁷ Hagek W. Böhmische Chronica... in Druck verfertigt durch Johannem Sandel Zluticensem. S.1, 1596. T.2. Bl.5 vers.

¹⁸ Bielski M. Kronika Polska. Kraków, 1597. S.15.

¹⁹ Orbini M. II regno de gli Slavi. Pesaro, 1601. P.168—169.

²⁰ Orichovius S. Rerum Polonicarum // Ioannis Dlugossi... Historiae Polonicae. Besorgt von J.G.Krause. Lipsiae, 1712. T.2. III.P.3.

²¹ Balbin B. Miscellanea historica regni Bohemiae. Praegae, 1679. Dec.1. Lib.2. P.98.

²² Rewa P. De monarchia et Sacra Corona regni Hungariae centuriae septe. /Francofurti, 1659/. P.147.

²³ Tibenský J. Predstavy na Slovensku v 17. a 18. st. // Historický časopis, 1960. № 2—3. S.206.

²⁴ Pfister F. Op. cit. S.343.

²⁵ Ibid. S.344.

²⁶ Ibid. S.331.

²⁷ Ibid. S. 324.

²⁸ Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв.: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С.234, 237.

²⁹ Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге. Отдел рукописей, шифр 24.4.35. Л.П об.

³⁰ Российская национальная библиотека (Гос. библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина) в Санкт-Петербурге. Отдел рукописей, шифр Эрм. 320/3.Л.1096—1096 об.

³¹ Gwagnin A. Kronika Sarmáciey Europskiey. Kraków, 1611. L. ij.

³² Пташицкий С. Западно-русские переводы хроник Бельского и Стрыковского: библиографическая заметка // Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905. С.372—380.

³³ Российская государственная библиотека (Гос. библиотека им. В.И.Ленина). Отдел рукописей, шифр Рум.457. Л.739.

³⁴ Гольдберг А.Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т.13. С.52—56.

³⁵ Полное собрание русских летописей. М., 1968. Т.31. С.13.

³⁶ Крижанич Ю. Политика. Изд. подг. В.В.Зеленин, А.Л.Гольдберг. М., 1965. С.622.

³⁷ Крижанич Ю. Ук. соч. С.724.

³⁸ Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego. Oprac. J.Radziszewska. Warszawa, 1978. S.618.

³⁹ Glavinich S. De rebus Moschorum // Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur Ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs. Hg. von. B.von Wichmann. Berlin, 1820. Bd. 1. S.360—362.

⁴⁰ Севастьян Главинич о происшествиях московских. Пер. А.Н.Шемякин // Чтения в обществе истории и древностей российских, 1875. Кн.I. С.14.

⁴¹ Pfister F. Op.cit. S. 345.

⁴² Goldast N. Zwey rechtliche Bedenken von der Succession und Erbfolge des Königreichen Geschlechts und Stamms in Beiden Königreichen Hungarn und Boheim. Frankfurt/Main, 1627. S. 135.

⁴³ Гольдберг А.Л. Москва — Третий Рим // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т.9. С.723.

⁴⁴ Государственный исторический музей в Москве. Отдел рукописей, шифр Спн.964, рук.П. Л.510 об.

⁴⁵ Bielski M. Kronika wssytkyego swyata. Kraków, 1554. L.232.